

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.84.35.015

Между нормальной коммуникацией и манипуляцией: границы и способ их определения

Зубков Николай Андреевич

Преподаватель,
МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 78;
e-mail: osipova_a@mirea.ru

Осипова Альбина Магомедовна

Кандидат философских наук, доцент,
МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 78;
e-mail: osipova_a@mirea.ru

Титкова Ольга Вячеславовна

Кандидат философских наук, доцент,
МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 78;
e-mail: ov.titkova@yandex.ru

Аннотация

Сочетание определенных форм и способов коммуникации неразрывно связано с определенными типами социального взаимодействия. Естественно, при этом, что субъекты взаимодействия могут преследовать совершенно различные цели, в том числе и манипуляционные. Однако, манипуляционная коммуникация демонстрирует способность эффективно скрывать себя, приспособливаться и видоизменяться. Ввиду этого возникает вопрос: существуют ли объективные признаки, указывающие на то, что наблюдаемую коммуникацию возможно определить как манипуляционную? В статье рассматриваются устойчивые признаки и условия, которые позволяют классифицировать ту или иную коммуникативную практику, как манипуляцию. Авторы выделили и описали основные характеристики, которые разграничивают нормальную коммуникацию и манипуляцию: 1) наличие уже устоявшихся форм, способов и средств коммуникации; 2) использование объектов в процессе коммуникации, чья прикладная функция не связана с коммуникацией; 3) использование контекста для стимуляции коммуникации; 4) использование физических и программно-алгоритмических средств для контроля и ограничения возможностей комплекса коммуникационных технологий. Мы не утверждаем, что данный список является полным, но он достаточный для успешного разграничения манипуляции и коммуникации. В качестве резюмирующего положения хочется отметить следующее. Вынося этические рассуждения за скобки, следует признать, что манипуляция является

неотъемлемым компонентом коммуникативных практик. Однако, между возникновением манипуляции как таковой и формированием устойчивой технологии ее применения всегда есть хронологический промежуток.

Для цитирования в научных исследованиях

Зубков Н.А., Осипова А.М., Титкова О.В. Между нормальной коммуникацией и манипуляцией: границы и способ их определения // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 9А. С. 99-108. DOI: 10.34670/AR.2023.84.35.015

Ключевые слова

Коммуникация, манипуляции, контекст, социальное взаимодействие, информация.

Введение

Важно подчеркнуть, что онтологию коммуникации невозможно представить в отрыве от ее содержания т.е. от символов и смыслов, которыми наполнен данный процесс. Однако, в рамках данной работы, мы дистанцируемся от семиотического наполнения коммуникации, а также практик ее истолкования и понимания. Мы склонны придерживаться известной позиции Макклуюэна М.: «средство коммуникации – это сообщение» [Макклуюэн, 2003, 464], поэтому здесь и далее мы будем говорить о коммуникации исключительно как о способе и форме передачи информации и, соответственно, как этим процессом можно манипулировать.

Теоретическая значимость данной проблемы связана с двумя факторами: во-первых, это фактор прогнозирования. Изучение и критическое рассмотрение данных детерминант позволяет не только лучше понимать процессы коммуникации, но и строить устойчивые социогуманитарные прогнозы. Во-вторых, благодаря бурному развитию информационно-компьютерных технологий, практически непрерывно идет процесс развития форм и способов коммуникации, опосредованных данными технологиями. Мы наблюдаем синергетический эффект – в том числе и в случае манипуляции – от использования коммуникативных (социогуманитарных) и коммуникационных (информационно-технических) технологий [Леньшина, 2013, 35-37]. Но сам вопрос о том, каков именно данный эффект, остается открытым и дискуссионным и поэтому имеет большую значимость. Наконец, манипуляция коммуникативными процессами, является одной из основ такого феномена как информационные войны. Нет необходимости доказывать, что данное явление оказывает огромное влияние на все сферы общественной жизни и привлекает внимание исследователей из разных научных областей. Однако, ввиду сложности феномена, теоретический инструментарий его изучения требует постоянных доработок и уточнений.

Коммуникативная манипуляция. Проблемы изучения

Наиболее проблемным местом теоретических рассуждений является вопрос определения границы между нормальной коммуникацией и манипуляцией. Что мы вообще имеем виду, когда говорим «нормальная коммуникация» и «манипуляционная коммуникация» и как их различить?

Здесь и далее мы будем понимать категорию *манипуляция*, как воздействие «исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1997, 59]. В таком случае,

манипуляционную коммуникацию мы можем определить, как скрытое воздействие, осуществляемое при помощи комбинаций форм, способов, средств коммуникации. Но такого определения недостаточно, для однозначного ответа на поставленный вопрос. Поэтому необходимо обратиться к философии коммуникации.

Британский философ Остин Дж.Л. выделял в речевом акте трехуровневое образование: непосредственную речь говорящего («локутивный акт»); смысл, который говорящий вкладывает в свои слова («иллокутивный акт»); цель, которую преследует говорящий («прелокутивный акт») [Остин, 1999]. Его идеи использовал и развил Хабермас Ю., расширив данную логику не только на речевые акты, но и на всю систему коммуникации. Он полагал, что коммуникативная деятельность непосредственным образом связана со стратегической деятельностью т.е. с ментальными целевыми установками субъектов коммуникации. Хабермас Ю. выделял «скрытую стратегическую деятельность» и «открытую стратегическую деятельность». При открытой стратегической деятельности в процессе коммуникации реальные и заявляемые цели субъекта совпадают; и именно это явление мы обозначим как «*нормальная коммуникация*». А в случае осознанной скрытой стратегической деятельности в процессе коммуникации реальные и заявляемые цели субъекта не совпадают; и это явление мы обозначим как «*манипуляционная коммуникация*» [Хабермас, 2022, 343-344]. Именно по этой границе и проходит главное различие – субъект коммуникации имеет мотив и хочет достичь желаемых результатов т.е. обладает знанием о собственных целях, которое позволяет ему отчетливо определять статус производимых им действий: или манипуляция, или нормальная коммуникация.

Методологическая проблема заключается в том, что стороннему наблюдателю получить строго научные доказательства наличия подобного знания невероятно сложно. Объекты, служащие исследователю в качестве эмпирического материала, такие как: наблюдаемая форма, способ и средство коммуникации, контекст коммуникации, содержание сообщений, анализ деятельности и проч. являются лишь косвенными доказательствами наличия ментальных установок на совершение манипуляционной коммуникации. Но мотив, осознанность действий и нацеленность на результат, строго говоря, невозможно эмпирически зафиксировать. Можно только установить их наличие при помощи цепочки логических умозаключений, что и является нетривиальной задачей. При этом, данная задача усложняется вдвойне т.к. появляется необходимость доказывать, что у человека, подвергнувшегося манипуляции, сформировались те самые «намеренья не совпадающие с его актуальными желаниями». Однако, как показывает научная практика, манипуляционную коммуникацию можно фиксировать при помощи количественных эмпирических методов. Так, к примеру, в 2014 г. вышла работа Янагизава-Дротт Д. которая была посвящена изучению геноцида в Руанде (6 апреля – 18 июля 1994 г.) [Yanagizawa-Drott, 2014, 1-39]. Автор, на большой выборке эмпирического материала, убедительно доказывает, что в тех регионах Руанды, где работало «Свободное радио и телевидение тысячи холмов», призывавшее к геноциду руандийских тутси – процент убийств был выше, по сравнению с теми регионами, где деятельности данного СМИ не было. Это доказывает мысль, что возможно установить значимые, устойчивые, эмпирически подтверждаемые закономерности в вопросах, связанных с изучением манипуляционной коммуникации.

Определенным «подспорьем» в решении этого вопроса оказывает тот факт, что некоторые коммуникативные технологии традиционно включаются в перечень манипуляционных: реклама, пропаганда, маркетинг, PR, информационные войны [Почепцов, 2001, 656]. Иными

словами, если удастся установить, что та или иная коммуникативная практика обладает чертами, которые соответствуют данной технологии, то она а priori является манипуляцией. Разумеется, что такой подход упрощает исследовательскую задачу, но не полностью снимает проблему. А в условиях современного информационного общества, когда интенсивность коммуникативных потоков только усиливается, а количество и, следовательно, сложность организации коммуникативных связей возрастает, границы между коммуникацией вообще и технологией манипуляции истончаются.

От нормальной коммуникации к манипуляции

В первую очередь отметим, что манипуляционная коммуникация подчиняется определенной закономерности – средства и способы манипуляционной коммуникации появляются после формирования нормальной коммуникации. Так, Почепцов Г.Г. отмечал: «В качестве закона коммуникативных технологий следует признать тенденцию опоры при выдаче своих сообщений на уже имеющиеся в обществе коммуникативные потоки» [Почепцов, 2000, 27]. Иными словами, манипуляционная коммуникация есть прямое следствие от нормальной коммуникации; и никогда наоборот. Это справедливо как для форм, способов так и средств коммуникации. Этот факт доказывается обширным количеством исторических прецедентов. Так, к примеру, в Древней Греции (в области политики и торговли) была распространена практика использования глашатаев. Этим воспользовались персидские цари, чтобы распространять свою пропаганду – запугивать население небольших полисов – в период Греко-персидских войн [Рунг, Холод, 2006, 32-35]. Чтобы эффективнее распространять христианство среди готов был осуществлен, под руководством Вульфилы (Ульфила), перевод Библии на готский язык. При том, не на руническое письмо, распространенное у готов, а на уникальный алфавит, который также пришлось создать переводчикам [Мецгер, 2004, 552]. Техника литографии – перенос типографской краски на бумагу – была изобретена в Германии в конце XVIII в., для тиражирования изображений. В середине-конце XIX-XIX вв. плакат был не только способом рекламы, но и формой изобразительного искусства. А в период Первой мировой войны плакат становится главным инструментом политической пропаганды [Лассуэлл, 2021, 237]. И это лишь малая часть примеров, подтверждающих нашу мысль: манипуляционная коммуникация всегда есть следствие от коммуникации нормальной. Важно подчеркнуть – манипуляция не видоизменяет, а приспособливает коммуникацию под свои цели т.е. она способна эластично адаптироваться и меняться до неузнаваемости от случая к случаю. Иными словами, обнаружение новых форм, способов и средств коммуникации не проясняет того, как именно они будут использоваться в манипуляции. Но их появление, совершенно точно, будет ее предвещать.

Во-вторых, манипуляция коммуникацией не только оригинальным образом комбинирует способы и формы нормальной коммуникации, но и способна вовлекать в сферу своей применимости объекты, чье изначальное предназначение было не связано с коммуникативными процессами. При том, манипуляция не просто способна это сделать, но и стремится использовать объекты подобного рода. Это происходит ввиду двух причин, во-первых, многие культурные объекты, изначально не связанные с коммуникацией, приобретают большую значимость в практиках людей. Во-вторых, многие объекты не воспринимаются субъектом как средство коммуникации т.е. возможность передачи сообщения изначально скрывается, что не может не соответствовать целям манипуляции. Трансформация объекта в

средство коммуникативной манипуляции может развиваться двумя схожими образами, но с разным результатом: *дополнение* (объект, сохраняя свою изначальную функцию, передает дополнительную информацию, не связанную с его прямым функционалом) и *вытеснение* (объект перестает выполнять свою изначальную функцию и воспринимается исключительно, как источник информации).

Пример дополнения, когда объект приобретает дополнительные коммуникативные функции и становится источником манипуляции связан с деньгами. В период Римской империи деньги превратились из средства платежа в источник политической пропаганды (на них стали чеканить политические лозунги и портреты-профили правителей [Ахиев, 2015, 47-51]). В дальнейшем, данную практику подхватили многие государства мира и длительное время успешно использовали. И в настоящий момент во многих странах сохраняется традиция использования в дизайне валют национальных, религиозных и культурных символов.

Пример вытеснения, когда объект полностью видоизменяет и свою символическую природу, и свою реальную функцию, связан с сакральными – в дюркгеймовском смысле – объектами. Ювелирные украшения – венцы, диадемы, короны (и иные предметы эгалитарного потребления) в историческом процессе превращаются в символы государства и власти [Мареева, 2006, 419-429]. В таком объекте полностью утрачивается практическая сущность, а, взамен, конструируется символическая. Такой объект более не воспринимается наблюдающим субъектом в отрыве от его символического статуса.

Мы не утверждаем, что совершенно любой объект, широко используемый в социальных практиках и изначально не предназначенный для коммуникации, непременно будет участвовать в процессах манипуляции. Мы лишь хотим указать, что это высоковероятно. Именно потому, что культурный объект обладает прямым, ясным прикладным назначением, он способен «скрывать» манипуляционную коммуникацию. Из этого следует достаточно ясный вывод – если в процессе коммуникации начинают использоваться объекты, чья прикладная функция не связана с передачей информации, то, с высокой долей вероятности, можно утверждать, что произошел переход от нормальной коммуникации к манипуляции.

В-третьих, коммуникативные процессы разворачиваются в определенных условиях или контекстах (исторических, культурных, экономических, политических, социальных и проч.). В 1955 г. Бейтсон Г. ввел понятие «метакоммуникация» [Бейтсон, 2000, 476], которое мы будем понимать следующим образом: «совокупности условий (языковых, социальных, пространственных, временных), благодаря которым субъект способен интерпретировать контекст коммуникативного процесса, влияющий на характер и смысл транслируемых коммуникативных сообщений» [Зубков, 2019, 89]. Метакоммуникативные условия присущи и нормальной коммуникации, и манипуляции. В таком случае, возникает две возможности манипулировать не формой, способом или средством коммуникации, а условиями, в которых она разворачивается. Мы выделим два таких способа: *приспособление* (использование уже существующих метакоммуникативных условий) и *конструирование* (создание новых метакоммуникативных условий).

В качестве примера, когда манипуляция приспособляется под существующие условия, можно привести следующий кейс. В период Войны в Персидском заливе (1990-1991 гг.) в качестве антииракской пропаганды союзниками использовались листовки, одна из сторон которых была правдоподобной копией иракских банкнот – динаров, разного номинала; другая сторона содержала пропагандистский текст [Friedman, 2006]. В данном случае эксплуатируется метакоммуникация ситуации, в которой понятное желание человека подобрать бесхозное

денежное средство становится источником манипуляции. Существуют и примеры того, когда метакоммуникативная манипуляция конструируется. Нобелевский лауреат в области экономики Талер Р. и его коллега Санстейн К. известны разработкой «теории подталкивания». Данная теория утверждает, что возможно создать определенные условия выбора («архитектуру выбора») в которых принятие того или иного решения будет более вероятным. Авторы полагают, что это эффективный вариант «мягкого управления» социальными, политическими и экономическими процессами [Талер, Санстейн, 2017, 217-240]. Существуют обширные дискуссии об этической стороне применения данной теории на практике, но, в сухом остатке, данная теория ни что иное как манипуляция. Контексты, которые, казалось бы, не имеют для этого предназначения, встраиваются в коммуникативное сообщение, тем самым «подталкивается» выбор человека (американская пенсионная программа «Копи больше завтра» [Зельдин, 2020, 224-225]).

И в случае приспособления, и в случае конструирования метакоммуникации к целям и задачам манипуляции, мы наблюдаем логику, которая сходна с логикой использования объектов. Однако существует серьезное отличие. Если нормальная коммуникация способна обойтись без объектов, не предназначенных для передачи информации, то исключить из коммуникации контекст невозможно. Более того, контекстуальные смыслы должны быть предельно понятны для участников коммуникативного процесса, чтобы не препятствовать процессу передачи сообщений. Категорию «понятное», здесь мы употребляем в гуссерлевском смысле т.е. «понятное, вернее, то, что таким считается, однако не потому, что постоянно подтверждает себя в качестве такового, а потому, что настолько сокрыто в глубинах нашего мышления и для столького из этого мышления выступает основанием, что никому не приходит в голову спросить о том, что же является основанием этого основания, этого само собой понятного» [Разеев, 2004, 94]. Иными словами, метакоммуникация должна соответствовать категории «понятного», а значит быть максимально «прозрачной» для субъектов коммуникации. Это в равной степени касается и процесса коммуникативной манипуляции. Однако, в случае нормальной коммуникации контекст *не препятствует* передаче сообщений, а в случае манипуляции *дополнительно стимулирует*. Соответственно, именно по этой рубежной линии – не препятствование или стимуляция – проходит граница различия нормальной и манипуляционной метакоммуникации.

С начала XX в. техника постепенно становится основным коммуникационным средством, а к настоящему моменту, информационно-компьютерные технологии становятся одним из доминирующих средств коммуникации. Благодаря этому, появляются инновационные возможности производить коммуникативные манипуляции, связанные с особой сущностью техники.

Технический объект, рассмотренный в единичном экземпляре, не является средством коммуникации. В качестве средства коммуникации он будет выступать только в том случае, если будет взаимосвязан с другим техническим объектом. Поэтому верно говорить о *коммуникационном комплексе технологий* обеспечивающим процесс коммуникации. Однако субъект, как правило, не имеет прямого доступа ко всем его техническим компонентам и не может повлиять на их функционирование. Ввиду этого появляется возможность манипулировать именно физическими компонентами коммуникационного комплекса, тем самым нарушая, ограничивая коммуникацию. Во-вторых, современные информационно-компьютерные технологии представляют из себя синтез физического объекта и программно-алгоритмического обеспечения, которое также может быть использовано в манипуляционных

целях. Реализовать процесс коммуникации при помощи информационно-компьютерных технологий возможно благодаря спутниковой связи и сети Интернет. И это означает, что субъект в процессе коммуникации подобного рода, вынужден взаимодействовать с программно-алгоритмическим обеспечением виртуального пространства. Именно оно становится источником манипуляции т.к. субъект коммуникации не способен, как правило, на него повлиять.

Таким образом, эффект манипуляции достигается либо при помощи прямого воздействия – создание физических препятствий доступа к технологиям; либо косвенно – посредством программно-алгоритмизированных инструментов, которые не влияют на физическое состояние техники, но влияют на ее функционал.

В качестве примера прямого воздействия можно привести одно из направлений политики СССР: начиная с 1949 г. проводились целенаправленные действия против ряда иностранных радиовещательных компаний по прекращению «антисоветского вещания». В частности, было задействовано большое количество технических средств радиоэлектронной борьбы [Волков, 2000, 586-591]. Пример косвенного воздействия связан с рядом ограничений Интернет-трафика, который действует в разных государствах. Пожалуй, самый известный – программа КНР «Великий файрвол» («Grate Firewall») – комплекс технологий, ограничивающий доступ к тем или иным Интернет-ресурсам. Примечательно, что технологии, при помощи физического или программно-алгоритмического воздействия, позволяют достигать только одного манипуляционного эффекта – ограничить коммуникацию. Иными словами, в случае коммуникативной манипуляции функционал технологического комплекса искусственно ограничивается «извне». Парадоксально, но технологии, революционным образом расширив возможности коммуникации, становятся ее же ограничителем.

Заключение

Итак, мы выделили и описали основные характеристики, которые разграничивают нормальную коммуникацию и манипуляцию: 1) наличие уже устоявшихся форм, способов и средств коммуникации; 2) использование объектов в процессе коммуникации, чья прикладная функция не связана с коммуникацией; 3) использование контекста для стимуляции коммуникации; 4) использование физических и программно-алгоритмических средств для контроля и ограничения возможностей комплекса коммуникационных технологий. Мы не утверждаем, что данный список является полным, но он достаточный для успешного разграничения манипуляции и коммуникации.

В качестве резюмирующего положения хочется отметить следующее. Вынося этические рассуждения за скобки, следует признать, что манипуляция является неотъемлемым компонентом коммуникативных практик. Однако, между возникновением манипуляции как таковой и формированием устойчивой технологии ее применения всегда есть хронологический промежуток. В США регулярное телевизионное вещание началось между 1939-1941 гг., а первые телевизионные президентские дебаты, которые на сегодняшний день уже стали политической традицией, прошли в 1960 г. Поппер К.Р., рассуждая о «социальных технологиях» и «социальной инженерии», справедливо отмечал, что « в число наиболее характерных задач любой технологии входит указание того, чего нельзя достигнуть» [Поппер, 1993, 72]. Очевидно, что этот принцип справедлив и для технологий коммуникативной манипуляции. Соответственно возникает открытый вопрос о границах применения манипуляции, в качестве эффективной коммуникативной практики.

Библиография

1. Волков А.И., Пугачева М.Г., Ярмолюк С.Ф. Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. М., 2000. 616 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
3. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. М., 2021. 237 с.
4. Леньшина А.А. Различие терминов «коммуникативные технологии» и «коммуникационные технологии» // Молодой ученый. 2019. № 26 (264). С. 35-37.
5. Макклюзен М.Г. Понимание Медиа: внешнее расширение человека. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
6. Мецгер Б.М. Ранние переводы Нового Завета – их источники, передача, ограничения. М., 2004. 552 с.
7. Остин Дж.Л. Избранное. М.: Идея-пресс, 1999. 332 с.
8. Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 187 с.
9. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук, 2000. 351 с.
10. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
11. Разеев Д.Н. Гуссерль Э. – В сетях феноменологии. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2004. 368 с.
12. Рунг Э.В., Холод М.М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V-IV вв. до н.э. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2006/3.pdf>
13. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том первый. Рациональность действия и социальная рационализация; Том второй. К критике функционалистского разума. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
14. Yanagizawa-Drott D. Propaganda and conflict: evidence from the Rwanda genocide // Quarterly Journal of Economics. 2014. Vol. 129 (4). P. 1-39.

Between normal communication and manipulation: boundaries and how to define them

Nikolai A. Zubkov

Lecturer,
Russian Technological University,
119454, 78, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: osipova_a@mirea.ru

Al'bina M. Osipova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Russian Technological University,
119454, 78, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: osipova_a@mirea.ru

Ol'ga V. Titkova

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Russian Technological University,
119454, 78, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ov.titkova@yandex.ru

Abstract

The combination of certain forms and methods of communication is inextricably linked with certain types of social interaction. Naturally, at the same time, the subjects of interaction can pursue completely different goals, including manipulative ones. However, manipulative communication demonstrates the ability to effectively hide itself, adapt and change. In view of this, the question arises: are there objective signs indicating that the observed communication can be defined as manipulative? The article examines stable signs and conditions that allow us to classify a particular communicative practice as manipulation. The authors identified and described the main characteristics that distinguish between normal communication and manipulation: 1) the presence of already established forms, methods and means of communication; 2) the use of objects in the communication process, whose applied function is not related to communication; 3) using context to stimulate communication; 4) the use of physical and software-algorithmic means to control and limit the capabilities of a complex of communication technologies. We do not claim that this list is complete, but it is sufficient to successfully distinguish between manipulation and communication. As a summary, I would like to note the following. Taking ethical considerations out of the equation, it should be recognized that manipulation is an integral component of communicative practices. However, there is always a chronological gap between the emergence of manipulation as such and the formation of a sustainable technology for its application.

For citation

Zubkov N.A., Osipova A.M., Titkova O.V. (2023) Mezhdru normal'noi kommunikatsiei i manipulyatsiei: granitsy i sposob ikh opredeleniya [Between normal communication and manipulation: boundaries and how to define them]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (9A), pp. 99-108. DOI: 10.34670/AR.2023.84.35.015

Keywords

Communication, manipulation, context, social interaction, information.

References

1. Austin J.L. (1999) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Ideya-press Publ.
2. Dotsenko E.L. (1997) *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defense]. Moscow: CheRo Publ.
3. Habermas J. (2022) *Teoriya kommunikativnoi deyatelnosti: Tom pervyi. Ratsional'nost' deistviya i sotsial'naya ratsionalizatsiya; Tom vtoroi. K kritike funktsionalistskogo razuma* [The theory of communicative action. Reason and the rationalization of society. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason]. Moscow: Ves' Mir Publ.
4. Lasswell G.D. (2021) *Tekhnika propagandy v mirovoi voine* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow.
5. Len'shina A.A. (2019) Razlichie terminov «kommunikativnye tekhnologii» i «kommunikatsionnye tekhnologii» [Difference between the terms “communication technologies” and “communication technologies”]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 26 (264), pp. 35-37.
6. McLuhan M.G. (2003) *Ponimanie Media: vneshnee rasshirenie cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ.
7. Metzger B. (2004) *Rannie perevody Novogo Zaveta – ikh istochniki, peredacha, ogranicheniya* [The Early Versions of the New Testament]. Moscow.
8. Pocheptsov G.G. (2000) *Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka* [Communication technologies of the twentieth century]. Moscow: Refl-buk Publ.
9. Pocheptsov G.G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* [Communication theory]. Moscow: Refl-buk Publ.
10. Popper K.R. (1993) *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism]. Moscow: Progress Publ.

11. Razeev D.N. (2004) *Gusserl' E. – V setyakh fenomenologii. Osnovnye problemy fenomenologii* [Husserl E. – In the networks of phenomenology. Basic problems of phenomenology]. St. Petersburg.
12. Rung E.V., Kholod M.M. *Persidskaya politicheskaya propaganda v grecheskom mire v V-IV vv. do n.e.* [Persian political propaganda in the Greek world in the V-IV centuries B.C]. Available at: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2006/3.pdf> [Accessed 10/10/2023]
13. Volkov A.I., Pugacheva M.G., Yarmolyuk S.F. (2000) *Pressa v obshchestve (1959-2000). Otsenki zhurnalistov i sotsiologov. Dokumenty* [The Press in Society (1959-2000). Assessments by journalists and sociologists. Documentation]. Moscow.
14. Yanagizawa-Drott D. (2014) Propaganda and conflict: evidence from the Rwanda genocide. *Quarterly Journal of Economics*, 129 (4), pp. 1-39.